

Терехов. И вот действие подходит к кульминации — когда Олеко закалывает ножом Земфиру, стоящую на могиле (а действие происходит на кладбище). Актриса неловко повернулась и в падении сорвала рукой черные кудри с героя. Под париком он оказался абсолютно лысым. Зрительный зал ахнул, а исполнитель “умер” от одиозности ситуации. Он упал за декорацию могилы и свирепо зашептал за кулисы: “Лак, лак!” Ему выкатили бутылочку, и, полив голову, он нацепил парик, как смог. Поднялся уже с волосами, и тогда публика расхохоталась. Это по-настоящему трагикомический случай, которых, кстати, в актерской жизни бывает предостаточно.

Лебединая песня

В “Лебедином озере” мы изображали лебедей, но не тех, главных, которые танцуют в пачках на пуантах, а других, — статисты плавно маячили по заднему плану у нарисованной воды, надев на спины фигуры птиц из папье-маше. Однажды, заигравшись в футбол в балетном классе, наша группа еле успела к выходу. Мы выскочили на сцену и “поплыли” по озеру, не понимая, почему в зале смеются. Оказалось, что один мальчик, первый, заводящий вереницу “водоплавающих”, в воплях нацепил на себя муляж задом наперед. Естественно, его немедленно выгнали из театра.

Повышение по службе

Несмотря на второстепенность ролей, мы, подростки, относились к своим обязанностям крайне ответственно. И не только из-за любви к искусству, как ни странно, служение музам многих буквально спасало от голода. И еще, мы очень стеснялись слова “статист”, предпочитая, чтобы нас называли “артистами миманса”. Прошло несколько месяцев, и

наступил момент, когда я получил эпизод, — главный герой должен был давать мне пощечину. Творчески подойдя к своему дебюту, я придумал характерный грим, прилепил усы и гротесковый красный нос из гуммозы. Но когда на премьере актер размахнулся и поднес ладонь к моему лицу, я испугался, дернулся, и он попал прямо по носу, тот отвалился и улетел за кулисы под громкий хохот зрительного зала.

Шутки в сторону

Одесский театральный институт я закончил 22 июня 1941 года. Дипломный спектакль “Жорж Данден” по Мольеру мы отыграли в почти пустом зале Драммтеатра, а выпускной вечерний банкет в ресторане, конечно, не состоялся. Через несколько дней все ребята с нашего курса ушли добровольцами на фронт.

Война — это страшно. Но и тогда случалось смешное. Как-то мы лежали в окопе, а сверху штурмовики бросали на нас бомбы, небольшие — 50-килограммовые, но они рвали все вокруг на куски. И вдруг я почувствовал, как мой товарищ несколько раз сильно ударил меня кулаком между лопаток. Я повернулся и закричал: “Ты что, спятил, нашел время шутить!” А он отвечает: “Что вы, товарищ старший лейтенант, это комья земли на вас упали”. Мы рассмеялись, но если бы снаряд попал правее на три метра, смеяться было бы уже некому.

А до смерти четыре шага...

А потом меня тяжело ранило, практически убило, а человек, который мог мне помочь, начал убегать из-под обстрела. Он бежит, а я кричу: “Капитан! Капитан... Капитанчик...”, потом я потерял сознание, но навсегда запомнил, как мне вдруг сделалось смешно от нелепости, которую я произнес в эту трагическую минуту: “Капитанчик...”

От смерти меня спасла хирург — молоденькая глазастая девушка Фрида Кулахмедова, перед войной только окончившая медицинский институт. Тогда начал выпускаться сильный лекарственный препарат — сульфидин, очень дефицитный, но она где-то доставала его для меня, а вечером приходила поделиться своим пайком — галетами с кусочком масла, посидеть, поболтать, поплакать. Она жаловалась: “Боря, я не могу больше, я так устаю, что нет сил после операции убраться со стола ампутированную ногу”. Через 21 день Фрида сказала: “Кризис мино-

вал, все будет хорошо!”, а я не мог поверить, потому что являлись какие-то комиссии и спрашивали: “Как вы себя чувствуете?”, а звучало это: “Ты еще жив?”, ведь по всем показателям после такого тяжелого ранения, огромной кровопотери и сепсиса я должен был умереть.

Позже суровый хирург в госпитале в Бежецке решил мне отнять долго не заживающую руку. Я отказался, а он подумал и сказал: “Вот ты кто по профессии? Артист? Ну будешь бухгалтером!” “Не буду”, — ответил я. “Тогда умрешь, дурак!..” — повернулся и ушел. Нет, не дурак, а, наверное, просто счастливый человек...

Дружба — фройндшафт

Много лет спустя на съемках в ГДР советско-германского фильма я познакомился с немцем, директором нашей группы. Он был без руки, и у меня рука сильно травмирована. За чашкой пива разговорились и обнаружили, что сражались на одном и том же фронте примерно в одно и то же время, то есть стреляли друг в друга. И я сказал ему: “Неужели нам надо было остаться без рук, чтобы понять, что работать и пить пиво вместе лучше, чем воевать!”

Вор в законе

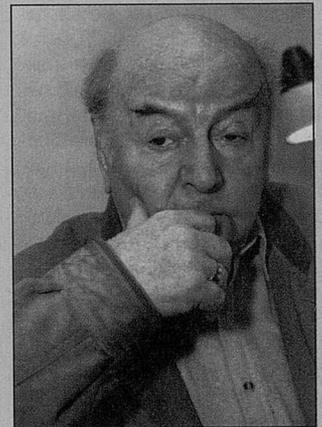

После госпиталя меня комиссовали, и, проработав полтора сезона в Рыбинске, я решил уехать в Москву, показался Завадскому, и он взял меня к себе в труппу, в то время лучшую в стране. Правда, за самовольный уход из рыбинского театра мне, по законам военного времени, пришлось несколько месяцев просидеть в тюрьме, но, освободившись, с 1 февраля 1944 года я начал работать в Театре имени Моссовета.

Многие журналисты обращали внимание на то, что в большинстве случаев мне поручали роли отрица-

тельных персонажей. После премьеры одного из моих фильмов, детектива “Версия полковника Зорина”, где я опять играл изощренного вора и убийцу, ко мне подошел человек и очень серьезно сказал: “Вашему персонажу не надо было сдаваться. Достаточных улик нет, подбавляющих законов — тоже. Я — адвокат, и со мной вы бы обязательно выиграли это дело!” Думаю, что такая симпатия возникла у зрителя, потому что мой герой получился безусловно талантливым человеком. Было лестно...

Каков поп, таков и приход

Однажды в фильме “Конец атамана” мне дали роль священника. Чтобы не допустить неточностей, я заранее посоветовался с батюшкой из Троице-Сергиевой лавры. Понаблюдав за съемкой сцены, где я пел “Христос воскрес”, мой консультант тихонько отозвал меня в сторону и предложил бросить актерскую профессию и служить церкви. “У вас будет большой успех, потому что вы искренни и обладаете силой убеждения!” — уговаривал он, не зная, что это есть величайшая похвала актерской работе.

Шампанского!..

А однажды в кадре нам, двоим актерам, нужно было выпить по бокалу шампанского. Мы обрадовались, но при первом же дубле начались неудачи — никак не открывалась бутылка, и оператор устал держать на плече камеру. Во второй раз перегрелое у прожекторов шампанское “взорвалось”, не дожидаясь команды “Мотор!”, и залило все вокруг. Потом случайно разбились бокалы, и еще что-то не заладилось. В общем, за этот день я открыл много бутылок, и каждый раз мы с партнером их допивали до конца, а режиссер все просил и просил повторить